

Ирина Савкина

ПОЧЕМУ У ЖЕНИ АЛЕКСАНДРОВОЙ И ЛИДЫ ЗОРИНОЙ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ КОМАНДЫ ТОВАРИЩЕЙ?

В статье рассматриваются два популярных советских произведения для подростков — повесть Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» (1940) и трилогия Валентины Осеевой «Васек Трубачев и его товарищи» (1947–1951), в которых подростковый коллектив изображается как школа дисциплины и лидерства. Основное внимание в статье сфокусировано на том, какие роли и почему в таких коллективах отводятся девочкам. Анализ текстов Гайдара и Осеевой позволяет прийти к следующим выводам: хотя советский подростковый коллектив допускает и даже предполагает участие девочек, их функции в составе команды специфичны и сводятся в основном к традиционным в патриархальном социуме женским ролям матери, помощницы, милосердной сестры и плакальщицы, поэтому девочки не могут претендовать на роль лидера в команде, состоящей из мальчиков и девочек. В произведениях, рассматриваемых в статье, девочки не командуют мальчиками, эта роль для них табуирована. В статье анализируются сюжетные ситуации, показывающие границы социализации девочек, очерчивающие сферы их влияния, сравниваются образы Жени Александровой, героини 1930-х гг., и Лиды Зориной, «звеньевой» 1940-х гг.

Ключевые слова: советская детская литература, коллективность, лидерство, гендерные роли, образы девочек, А. Гайдар, В. Осеева

Одной из ключевых идей советской идеологии была идея коллективности. Умение жить и работать в команде, коллективе, держать отчет перед товарищами — этими качествами должен был обладать «новый советский человек». Коллектив был инструментом и полем социализации советского человека; коллективная жизнь и деятельность, как демонстрировали педагогические практики А. Макаренко, запечатленные в его известных книгах «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях», позволяла детям и подросткам приобрести опыт дисциплины и послушания, с одной стороны, и активизма и лидерства, с другой. Как показывает в своей статье Т. Круглова, «соавтором и популяризатором такого важнейшего социального изобретения как „коллектив/команда“» [Круглова 2013, 105] становится и Аркадий Гайдар в своей знаменитой повести «Тимур и его команда», появившейся в 1940 г. Другим, также невероятно популярным текстом советской детской литературы, где, как и в произведении Гайдара, идея коллектива, команды является заглавной, была, трилогия Валентины Осеевой «Васек Трубочев и его товарищи»¹, вышедшая в свет в в 1947–1951 гг.

Советская коллективность, воспетая в этих текстах, по замечанию Т. Кругловой, заставляет вспомнить о тайных мужских союзах, генетически восходящих к инициационному комплексу [Круглова 2013, 110] и об идеях мужского военного братства, которые, как показал в своей монографии Элиот Боренштейн, были чрезвычайно влиятельны и в советской жизни, и в литературе 1920-х гг. [Borenstein 2000]. Л. Рудова, опираясь на наблюдения и выводы Боренштейна, показывает, что подобные концепции мужского brutального, милитаристского братства можно найти в повести А. Гайдара, в том числе и в изображении Тимура как лидера. «Таким образом, — делает вывод исследовательница, — в свете социальных практик и гендерной динамики предвоенной эпохи „Тимур и его команда“ конструирует тип новой маскулинности и исключает гендерное равноправие. Образ Жени отступает на второй план и функционирует как стимул для героических действий Тимура, без покровительства которого все ее добрые намерения обречены на провал. В этом процессе „переделки“ общества главная роль отводится „маскулинности“, опирающейся на принципы „товарищества“ и коллективности и не пересекающей гендерных границ» [Рудова 2014, 93].

А. В. Золотухина, сравнивая повесть Гайдара с трилогией В. Осеевой, пишет о том, что последней удалось преодолеть гендерную асимметрию, о которой говорится и в приведенной выше цитате

из статьи Л. Рудовой: «Примечательно, что А. П. Гайдар по-своему продолжает традиции А. С. Макаренко („Педагогическая поэма“, 1931), отсюда принцип гендерного разделения героев. Основными действующими лицами становятся мальчики, женских персонажей мало, и они показаны более слабыми. В. А. Осеева преодолевает и эту традицию. Она вовсе не разграничивает героев по гендерному признаку. Так, отряд Трубачева в равной степени состоит из девочек и из мальчиков, причем девочки не только показаны как сильные личности, на их долю порой выпадают и более сложные, чем у мальчиков, испытания» [Золотухина 2016, 44].

Так ли это? Показаны ли женские героини в обоих текстах как сильные личности? Какова роль девочек в команде товарищей в том и другом произведении? Есть ли у них шанс — реальный или потенциальный — стать лидерами коллектива? Рассмотрим главных героинь повестей Гайдара и Осеевой: Женю Александрову и Лиду Зорину, сосредоточившись на том, какие нормы и запреты определяют действия девочек, исходя из убеждения, что детская литература активно, а во времена соцреализма и настойчиво, если не сказать агрессивно, участвовала в конструировании и формировании у юных читателей одобряемых ролевых моделей, и формирование это было достаточно авторитарным.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу текстов, вспомним, как идеология и государственная политика времени написания книг А. Гайдара и В. Осеевой (конец 1930-х — начало 1950-х гг.) определяла место и роль женщин в советском обществе.

После активной борьбы за раскрепощение женщины и гендерное равенство в первое послереволюционное десятилетие в тридцатые годы в СССР происходит то, что называют «консервативным поворотом»: «женский вопрос» объявляется решенным, борьба за «новую женщину» законченной, и женщина превращается из субъекта в объект государственной политики: государство берет на себя функцию «отца-защитника» специфических женских интересов для того, чтобы женщина могла исправно выполнять свое предназначение — труженицы, жены и матери. В журналистике и искусстве государство-отец метонимически представлено фигурой мужского лидера (прежде всего, конечно, Сталина) [Хасбулатова 2004]. Но потребности модернизации и угроза близкой войны в то же время не позволяют полностью изменить ролевую модель и вывести из обращения образ крепкой, спортивной, здоровой женщины-товарища, которая способна и готова встать в строй наряду с мужчиной.

О. Никонова, исследовавшая эту проблему, называет одну из своих статей «Давайте прыгать, девушки», ссылаясь на одноименную брошюру 1936 г., содержащую рассказы девушек-парашютисток. Исследовательница отмечает, что

...пожалуй, доминирующим типом патриотической женственности был образ молодой женщины, комсомолки, занимавшейся одним из военизированных видов спорта. Образ летчицы или парашютистки из всех женских репрезентаций был максимально приближен к доминирующему типу советской мужественности того времени... <...>. Такие черты как выносливость, физическая сила, ловкость, упорство, стойкость, героизм также сближали этот тип женственности со сферой мужского. <...>. Доминирующий тип женственности наряду с кинофильмами и иконографией 1930-х гг. пропагандировал красоту здорового и спортивного женского тела [Никонова 2005, 45].

Как же изображаются девичьи персонажи в текстах, которые являются объектами нашего анализа? И каково место девочек в команде товарищей?

Гайдаровская Женя Александрова — спортивная, решительная, независимая «капитанская дочка», женская копия отца-командира. Она во многом напоминает тех плакатных девушек-физкультурниц, о которых пишет О. Никонова. Женя выходит в сад в трусах и майке, играет в волейбол, запускает в небо игрушечного парашютиста. В повести есть сцена, где она с двумя другими девочками — «тимуровками» Таней и Нюжкой прыгает с обрыва — чуть ли не буквально цитируя название книги о бесстрашных парашютистках: «Взявшись за руки, они подошли к самому краю обрыва, под которым плескалась ясная голубая вода. — Ну, прыгнули — Прыгнули! И они разом бросились в воду» [Гайдар 1944, 197].

Но, если мы внимательно взглянемся в текст, то увидим, что свобода, независимость и «милитарность» Жени имеют четкие пределы и границы. Здесь важно обратить внимание на контексты и акценты. Повесть открывается сценой, знакомящей читателя с энергичной и самостоятельной героиней. Женя проявляет смелость и активность, но в традиционном для женщины контексте — во время уборки квартиры: «Пол был залит водой. В бельевом цинковом корыте шипела и лопалась мыльная пена. А прохожие с улицы удивленно поглядывали на босоногую девчонку в красном сарафане, которая, стоя на подоконнике третьего этажа, смело протирала стекла распахнутых окон» [Гайдар 1944, 158].

На даче Гараевых, куда она попала случайно, у Жени в руках оказываются весьма воинственные атрибуты, но все это только бутафорский реквизит, а грозный и решительный вид — лишь поза для предполагаемой фотосъемки в «фронтowych декорациях».

Женя положила ключ и телеграмму, потрогала саблю, вынула ее из ножен, подняла клинок над своей головой и посмотрелась в зеркало.

Вид получился суровый, грозный. Хорошо бы так сняться и потом притащить в школу карточку! Можно было бы соврать, что когда-то отец брал ее с собой на фронт. В левую руку можно взять револьвер. Вот так. Это будет еще лучше. Она до отказа стянула брови, сжала губы и, целясь в зеркало, надавила курок.

Грохот ударил по комнате. Дым заволок окна. Упало на пепельницу настольное зеркало. И, оставив на столе и ключ и телеграмму, оглушенная Женя вылетела из комнаты и помчалась прочь от этого странного и опасного дома [Гайдар 1944, 163].

В повести есть сцена, где Женя берет на себя роль командира и лидера, отдающего команды, но все это опять происходит «понарошку», в детской игре, а в реальности ее «капитанство» в воображаемом сражении приводит только к разрушениям и потерям для более серьезных и прагматичных игр тимуровцев:

И тогда Женя решила: пусть голуби будут чайками, этот старый сарай с его веревками, фонарями и флагами — большим кораблем. Она же сама будет капитаном (курсив здесь и везде в дальнейшем мой — И. С.).

Ей стало весело. Она повернула штурвальное колесо. <...>

—Лево руля на борт! — громко скомандовала Женя и крепче налегла на тяжелое колесо.

Прорвавшись через щели крыши, узкие прямые лучи солнца упали ей на лицо и платье. Но Женя поняла, что это неприятельские суда нащупывают ее своими прожекторами, и она решила дать им бой.

С силой управляла она скрипучим колесом, маневрируя вправо и влево, и властно выкрикивала слова команды.

Но вот острые прямые лучи прожектора поблекли, погасли. И это, конечно, не солнце зашло за тучу. Это разгромленная вражья эскадра шла ко дну.

Бой был окончен. Пыльной ладонью Женя вытерла лоб, и вдруг на стене задрезжал звонок телефона. Этого Женя не ожидала; она думала, что этот телефон просто игрушка. Ей стало не по себе [Гайдар 1944, 172].

Боевитость и капитанство Жени — игра в игре, и «заигравшись», выходя из игры, она испытывает опасение и дискомфорт.

Ситуации, в которых Женя показана как активный агент, как человек, делающий что-то хорошо, правильно и самостоятельно, — это уборка квартиры и помощь девочке, у которой погиб отец, когда она выполняет своего рода «материнскую» роль. В остальных сценах повести, как отмечали практически все, кто писал об этом тексте, Женя — объект заботы и патронажа Тимура. Сестра Ольга не может с ней справиться — но Тимур — командир, может, так же, как и отец — полковник Александров.

В объемном — в трех томах — романе Осеевой описана менее линейная ситуация, центральных героинь девочек больше, сюжетные коллизии, связанные с ними, многообразнее. В трилогии есть три ключевых девичьих образа — это три подруги: Лида Зорина, Валя Степанова и Нюра Синицина — своего рода гендерная рифма к трем друзьям: Ваську Трубачеву, Саше Булгакову и Коле Одинцову. В четвертом классе, о котором рассказывается в первой части романа, есть и другие девочки, в основном безымянные. Никто из них, в отличие от Жени Александровой, не ходит в спортивной форме, а при описании их внешности настойчиво упоминаются туго заплетенные девичьи косы, а не мальчишеские стрижки. Но как-вы — кроме кос — «атрибуты» девочек отряда Трубачева?

Они любят конфеты («Митя зато нас всех конфетами угошал, — хвалились девочки» [Осеева 1984, 54]), занимаются рукоделием и приносят показать новому учителю свои сокровища: вязанье, платочки, вышивание («Девочки принесли вязанье, платочки, вышивки. Мальчики высмеивали их: — Станет он это смотреть, очень ему нужно! В куклы с вами играть! — Мы Марии Михайловне всегда показывали. Ей даже нравилось очень! — кричали девочки. <...> — Трубачёв, они хотят со своими вышивками вылезать... Понимаешь? Новый учитель — военный человек, а они к нему с тряпками! — объяснил Одинцов» [Осеева 1984, 63–64]).

Когда учитель приходит, «девочки, перешёптываясь, достали свои свёрточки и гуськом потянулись к столу» [Осеева 1984, 67]. Они заботятся о чистоте и порядке («Валя Степанова принесла из дому чистую выглаженную тряпочку для доски») [Осеева 1984, 100]. Они любопытны, жалуются учителю на мальчиков, пишут рыжеволосому Ваську записки «Трубачев ты очень похорошел», навещают заболевших, опекают и защищают слабых, страдают и встают на их защиту. Но в последнем случае их реакции описываются чаще всего как пассивное неодобрение, молчаливый протест («Лида Зорина избегала смотреть на Васька; она то и дело подходила к Саше и с глубоким сочувствием смотрела на Малю-

тина»; «У Вали Степановой было строгое лицо, и другие девочки *неодобрительно молчали*»; «Девочки собрались в кучку и *шёпотом разговаривали между собой*» [Осеева 1984, 124, 143].

То есть, коллективный девичий портрет состоит из традиционных женских добродетелей (послушание, забота, обслуживание) и милых женских слабостей вроде любви к конфетам, любопытства и тщеславного желания добиться учительской похвалы с помощью женского рукоделия².

Функция девочек — быть помощницами и соучастницами. Они замечают проблемы тех, кто слабей, но решение принимает мальчик-лидер:

— Не из-за тапочек, а из-за Малютина потише надо. Здесь камни, и солнце печёт очень, — тихо сказала Валя Степанова, трогая рукой свою макушку.

Васёк оглянулся. Сева Малютин шёл сзади. На спине у него был рюкзак, на боку — полевая сумка. На покрасневшее от солнца лицо падала тень от низко надвинутой на лоб панамки.

— Лёня Белкин, возьми у Малютина рюкзак, — сказал Васёк, — ему тяжело.

— Есть! — бойко отозвался Лёня Белкин, подождал Севу и, не слушая его возражений, перекинул через плечо Севин рюкзак [Осеева 1984, 198].

И даже, когда во время похода, в котором отряды соревнуются, кто быстрее отыщет секретные указатели-подсказки и первым доберется до финиша, Нюра Синицына находит самый важный знак-указатель, она неловко сдвигает его с места, — ее активность «ущербна»:

Синицына испуганными, круглыми глазами смотрела на подхлывшего Васька. Он вырвал у неё из рук палки и наклонился над муравейником. Там остался глубоко вдавленный след, обозначающий стрелу. Васёк выпрямился:

— Указатель найден!.. Синицына, становись в задние ряды!

У ребят отлегло от сердца.

Пристыженная, Нюра Синицына пошла в задний ряд [Осеева 1984, 200]

Во второй части трилогии «Отряд Трубачева сражается» школьники приезжают отдохнуть на Украину и там их застаёт начало войны. Девять человек, в том числе три девочки, не успевают эвакуироваться и остаются одни, без учителя и водителя. Девочек пытаются

все же отправить на железнодорожную станцию, посадив в машину с детдомовскими малышами. Через какое-то время мальчики из отряда Трубачева узнают, что машину разбомбили и их одноклассницы погибли. Затем в течение довольно большого числа глав мы читаем о том, как отряд Трубачева сражается: ребята становятся помощниками партизан, разведчиками, совершают небольшие диверсии и т. д. О девочках не упоминается: они в тексте «мертвы» и, значит, немые и бездейственны.

Однако потом обнаруживается, что девочки живы и тоже совершили свои подвиги. Какие? Они бежали из-под бомбежки, успев спасти двух малышей и теперь опекают этих малышей, живя в доме деревенской женщины и мечтают организовать школу на оккупированной территории. Одна из героинь — мягкая и сострадательная детдомовка Валя Степанова погибает, пытаясь закрыть собой молодую учительницу во время расстрела ее фашистами.

Как видим, и героизм и бесстрашие девочек имеют другую, чем у мальчиков, «материнскую» природу.

— Кашу в лесу варили, — задумчиво припомнила Валя. — Нюра бесстрашная — она ещё после одна к нашему грузовику бегала. Манной крупы принесла, сгущённого молока, спичек, хлеба. Одна ходила, без нас... рано-рано встала и пошла... ничего не сказала...

— А чего мне говорить-то? У нас дети на руках, есть просят, и холодно им... [Осеева 1984, 414].

По возвращению в родной городок трубачевцы, и именно девочки, становятся помощницами в госпитале, а активное действие мальчиков начинается, когда разворачивается стройка новой школы — здесь девочки только на подхвате: «Васёк, откинув со лба мокрый от жары чуб, взмахнул рукой: — Эй, ребята, носилки сюда! Лида и Нюра оглянулись, схватили носилки и побежали на его зов» [Осеева 1985, 122].

Кроме роли помощниц и милосердных сестер у девочек во время военных испытаний есть еще роль хранительниц скорбной памяти и плакальщиц:

Девочки долго сидят над письмом.

— Нехорошо всё-таки, что мальчики ей (воспитательнице погибшей Вали — И. С.) ни разу не написали. Всё у них какие-то другие дела находятся... — говорит Лида. — Как ты думаешь, плачут они, когда вспоминают всё, что было на Украине?

— Плачут, наверно, только так, чтобы никто не видел, — вздыхает Нюра. — Они ведь тоже всех любили, только они мужчины... [Осеева 1985, 31].

Мужчины не плачут, поэтому оплакивать и помнить мертвых, как и в традиционной патриархатной культуре, — удел и долг женщин.

Таким образом, мы видим, что в трилогии Осеевой девочки безусловно являются частью команды товарищей, но выполняют в нем специфические функции, прямо указывающих на традиционные в патриархатном социуме женские роли: матери, помощницы, милосердной сестры и плакальщицы. Как было сказано выше, девочки обычно пассивны и выполняют команды командира-лидера.

Но не вступает ли это утверждение в противоречие с тем фактом, что одна из героинь — Лида Зорина формально имеет лидерский статус: она «вожатая звена». Васек Трубачев — председатель пионерского отряда, а Саша Булгаков, Коля Одинцов и Лида — звеньевые. Но, как следует из примеров, которые мы приведем ниже, в качестве звеньевой Лида изображается не как лидер, а как передаточное звено — «приводной ремень» настоящей власти, которая здесь сосредоточена в руках Трубачева: «Она вбегает *затыхавшись*. — Звеньевая, а опаздываешь — *строго* сказал Васек. — Я не опаздываю, я за Нюрой Синицыной заходила, — *оправдывалась* Лида» [Осеева 1984, 31].

В первой книге трилогии есть сцена, когда пионеры составляют расписание дежурств, и Саша Булгаков предлагает девочек поставить отдельно, из-за чего возникает спор, девочки кричат и галдят:

— А ты, Булгаков, звеньевой, да ещё староста, Одинцов тоже звеньевой, а делаете неправильно! — кричала Лида Зорина, *взбешенная, как птица, защищающая своих птенцов*. <...>

— Не спорьте, не спорьте! — вмешался Васёк. — Не кричите! Сейчас всё разберём... Зорина, подожди... <...>

— Трубачёв! — выскочила опять Лида. — Они хотят, чтобы мы дежурили отдельно, а я считаю — это не по-товарищески. Мы все должны быть вместе. И вообще, ребята к девочкам придираются... *Ты разберись, Трубачёв!*

<...>

— Тише! — Васёк крепко сдвинул брови, подошёл к стене, сорвал расписание и сунул его Одинцову: — Перепиши заново. Зря это.

Класс притих [Осеева 1984, 72].

Можно также упомянуть эпизод из последней части романа, на стройке, где Лида высказывает сомнение, справятся ли ребята с работой сами, без контроля и руководства со стороны вожатого и учителя:

Лида Зорина подняла руку:

— По-моему, с теперешним это нельзя сравнивать. Ведь тогда с нами и Сергей Николаевич был и Митя. Они сами за всем следили. И дисциплину подтягивали.

Васёк быстро повернулся к Лиде:

— А ты что хочешь, чтобы сейчас, когда идёт ремонт школы, к тебе взяли и прикрепили бы учителя и вожатого специально подтягивать твою дисциплину? Потому что ты сама ничего не можешь? Маленькая? [Осеева 1985, 132].

Однако, в романе есть несколько эпизодов, когда Лида все же становится командиром и организатором. Но характерно, что все они связаны с ситуацией уборки и наведения порядка. В первой книге учитель велит Одинцову сходить домой к Ваську, поссорившемуся с отрядом, («и захватите с собой Лиду», — говорит учитель)

— Здравствуй! Мы пришли узнать, как твоё здоровье, — поспешила на выручку Лида и вдруг заметила измятые подушки и свисающую с кровати куртку: — Ой, какой беспорядок! Это убрать надо. Сейчас Сергей Николаевич придёт. <...> Лида сняла шубку и платок:

— *Васёк, на, повесь! И не стой с раскрытым ртом. Смотрите, что кругом делается!* <...>

— *Скорей, скорей! Ужас что делается!* — заткнув за пояс полотенце, говорила Лида. — *Одинцов, собирай в ящик инструменты!.. Васёк, прибери стол! Он же первым долгом на твой стол посмотрит!*

Мальчики, не рассуждая, принялись за работу. Поправляя постель и взбивая подушки, Лида говорила:

— *Надо, чтобы всё прилично было!* <...>

И хотя Васёк боялся прихода учителя, но в обществе Одинцова и Лиды чувствовал себя спокойнее. А Лида *вся ушла в роль хозяйки* [Осеева 1984, 165–167].

Вторая, очень похожая сцена во второй книге, когда, приехав в деревню на Украину, школьники обустраивают свое жильё и находят уют:

Утром, плотно позавтракав, девочки принялись устраиваться на носелье.

— Ребята, разгружайте коридор! Мы своё уже всё убрали. Ташите мешки! — *командовала* Лида Зорина, заправляя под косынку мокрые косички.

<...>

Ребята навалились друг на друга. Сено полетело во все стороны. Лёня Белкин стал на четвереньки и с целой копной на спине вылез в коридор.

— Вам что, сено на один раз дали, что ли — напали на ребят девочки.

— Убирайтесь отсюда сейчас же! — *размахивая полотенцем, кричала* Лида Зорина.

<...>

— А вы не командуйте здесь! Какие командирши приехали!

— Повязали себе косыночки и воображают! [Осеева 1984, 224–225].

Как следует из этих примеров, у женского звена и его звеньевой в тексте всегда вспомогательные функции: их дело помощь, забота и обслуга. В тексте есть четкая иерархия лидерства: директор — учитель — Трубачев — Лида. Однако, Трубачев, как и гайдаровский Тимур, довольно часто оказывается в ситуации без руководства со стороны взрослых и принимает на себя «отцовские» функции лидера, Лида же в подавляющем большинстве эпизодов только «передает команды сверху» своему девичьему звену. Ни в одной ситуации, не связанной с концептами уборки, одомашнивания, заботы и помощи слабым, девочки не являются акторами и инициаторами.

Можно сделать вывод, что в обоих текстах, о которых шла речь, очевидным образом присутствует представление о том, что советский подростковый коллектив допускает и даже предполагает участие девочек. Последние могут и должны быть в общем строю, в коллективе, но как часть команды со специфическими функциями. Эти функции, несмотря на все пропагандистские декларации о «новой женщине», достаточно традиционны и в основном соответствуют патриархатным представлениям о женственности, хотя и содержат отклики на некоторые «вызовы времени». Девочки во многих ситуациях смелы, решительны, способны на героические поступки. Но что для них практически невозможно — так это быть в роли лидера, или, точнее сказать, степень их лидерства заранее ограничена «стеклянным потолком»: Лида Зорина может возглавлять только маленький и специфически женский коллектив, «девичье звено».

Девочки не командуют мальчиками, эта роль для них табуирована, по крайней мере в этих двух популярных произведениях, которые формировали у юных читателей ролевые модели, образцы для подражания.

Можно заметить, что подобные нормы, ограничивающие роли, возможные для женщины в «команде товарищей», в определенной степени действенны и до сегодняшнего времени. Хотя сегодня женщин в российских властных органах разного уровня не так уж мало, но они, как правило, находятся на вторых ролях. Хотя безусловно женщины выполняют огромную и важную работу, но они обычно не видимы в публичном пространстве и не воспринимаются в качестве лидеров: «Женщины допускаются преимущественно на нижние ступени власти, тогда как на уровне принятия ответственных решений их по-прежнему очень мало» [Максимова 2007, 28]. О Здравомыслова пишет о чрезвычайно распространенном (в том числе и среди женщин) стереотипе, согласно которому женщины якобы не склонны к публичности и достаточно того, что они принимают какое-то участие на этапе подготовки и принятия решений, оставаясь в тени [Здравомыслова 2003, 116–126].

Такое положение вещей складывается под влиянием множества разнообразных социо-культурных факторов, о чем пишут и политологи, и социологи в названных выше работах и во многих других. И, как нам кажется, советская «детская литература», которая, с одной стороны, рисовала привлекательные образы смелых и самостоятельных девочек, а, с другой, — создавала ясные пределы реализации их смелости и самостоятельности, тоже внесла свой вклад в формирование представлений о нормах и запретах в этой сфере, которые до сих пор еще не преодолены в российском общественном сознании.

Примечания

- ¹ В. Осеева получила за свою трилогию Сталинскую премию 3-й степени. Большой популярностью пользовалась и экранизация произведения режиссером Ильей Фрэзом в виде кинодилогии: «Васек Трубачев и его товарищи» (1955 г.), «Отряд Трубачева сражается» (1957 г.).
- ² Надо отметить, что именно рукоделие и особенно вязание и вышивка были хорошо освоенными инструментами доместицирования девушки, сурогатом креативности и способом публичного контроля уже и в прошлые века.

Литература

Источники

Гайдар 1944 — Гайдар А. Тимур и его команда // Избранное / Аркадий Гайдар; [вступ. статья: Л. Кассиль. «О Гайдаре»]; рис. А. Ермолаева. М.; Л.: Детгиз, 1944. С. 157–220.

Осеева 1984–1985 — Осеева В. А. Васек Трубачев и его товарищи: [в 3-х кн.] // Собрание сочинений: в 4 т. / В. А. Осеева; коммент. З. Короза. М.: Детская литература, 1984. Кн. 1–2. С. 7–503; 1985. Кн. 3. С. 5–346.

Исследования

Здравомыслова 2003 — Здравомыслова О. М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М.: УРСС, 2003.

Золотухина 2016 — Золотухина А. В. Личность и коллектив в русской детской литературе предвоенного времени // Вестник Российского университета дружбы народов: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 3. С. 40–47.

Круглова 2013 — Круглова Т. Социально-педагогическое содержание «Тимура и его команды» и система А. Макаренко // Детские чтения. 2013. № 1 (3). С. 100–113. URL: <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/158>.

Максимова 2007 — Максимова О. Б. Политическая карьера женщин в России и странах Запада: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов: Политология. 2007. № 1. С. 27–35.

Никонова 2005 — Никонова О. «Давайте прыгать, девушки!», или советский патриотизм в гендерном измерении // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 38–55.

Рудова 2014 — Рудова Л. Маскулинность в советской и постсоветской детской литературе: Трансформация «Тимура и его команды» // Детские чтения. 2014. № 2 (6). С. 85–101. URL: <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/129>.

Хасбулатова 2004 — Хасбулатова О. А. Обзор советской государственной политики в отношении женщин // Гендерные реконструкции политических систем / [ред.-сост.: Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина]. СПб.: Алетейя, 2004. С. 397–421.

Borenstein 2000 — Borenstein E. Men without women: Masculinity a. revolution in Russ. fiction, 1917–1929. Durham; London: Duke univ. press, 2000.

References

- Borenstein 2000* — Borenstein, E (2000). Men without women: Masculinity a. revolution in Russ. fiction, 1917–1929. Durham; London: Duke univ. Press.
- Khasbulatova 2004* — Khasbulatova, O. A. (2004). Obzor sovetskoj gosudarstvennoi politiki v otnoshenii zhenshchin [The women's state policy during the Soviet era]. In N. M. Stepanova, E. V. Kochkina (Eds.), *Gendernye rekonstruktsii politicheskikh sistem*. [Gender reconstructions of political systems] (pp. 397–421). Sankt-Peterburg: Aletejya. Ist. kn.
- Kruglova 2013* — Kruglova, T. (2013). Sotsial'no-pedagogicheskoe sodержanie "Timura i ego komandy" i sistema A. Makarenko [Socio-Pedagogical Content of "Timur And His Team" and The System of A. Makarenko] *Detskie chteniya*, 1 (3), 100–113. <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/158>.
- Maximova 2007* — Maximova, O. B. (2007). Maksimova O. B. Politicheskaya kar'era zhenshchin v Rossii i stranakh Zapada: sravnitel'nyi analiz [Political career of women in Russia and the West: a comparative analysis] *Vestnik RUDN. Politologiya*, 1, 27–35.
- Nikonova 2005* — Nikonova, O. (2005). Davajte prygat', devushki, ili sovetskii patriotizm v gendernom izmerenii ["Let's jump, girls!"; or the gender dimension of Soviet patriotism] *Gendernye issledovaniya*, 13, 38–55.
- Rudova 2014* — Rudova, L. (2014). Maskulinnost' v sovetskoj i postsovetskoj detskoj literature: Transformatsiya "Timura i ego komandy" [Masculinity in Soviet and Post-Soviet Children's Literature: Transformation of Timur (and His Team)]. *Detskie chteniya*, 2 (6), 85–101. <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/129>.
- Zdravomyslova 2003* — Zdravomyslova, O. (2003). Sem'ya i obshchestvo: gendernoe izmerenie rossiiskoi transformatsii. [Family and Society: Gender Dimension of Russian Transformation]. Moscow: URSS.
- Zolotukhina 2016* — Zolotukhina, A. V. (2016). Lichnost' i kolektiv v russkoj detskoj literature predvoennogo vremeni [The individual and the collective in Russian children's literature of the pre-war time] *Vestnik RUDN. Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 3, 40–47.

Irina Savkina

University of Tampere; ORCID: 0000-0003-1860-0963

WHY CAN'T ZHENYA ALEXANDROVA AND LIDA ZORINA HAVE
TEAMS OF COMRADES?

The article examines two popular Soviet works for teenagers — the short story by Arkady Gaidar “Timur and his team” (1940) and the trilogy “Vasek Trubachev and his comrades” (1947–1951) by Valentina Oseeva. Both pieces depict the teenage community as a “school” of discipline and leadership. The article focuses on the analysis of the images of girls in these texts and their role in the group of comrades. A close analysis of the texts allows us to come to the following conclusions: although the Soviet teenage community admits and even assumes the participation of girls, their functions in the team are specific and refer to the traditional female roles in a patriarchal society: mother, helper, nurse of mercy, and mourner. Therefore, girls cannot pretend to be a leader in a team of friends. This role is a tabooed for them, at least in these two especially popular children’s texts, which certainly formed young readers’ role models, social expectations and gender stereotypes. To a certain extent they have been preserved to these days.

Keywords: Soviet children’s literature, collectivity, leadership, gender roles, images of girls, Arkadiy Gaidar, Valentina Oseeva